

Баркова О.Н. (МГУ)

**«Искусство опаленное революцией и войной в России»:
русские балерины в эмиграции. К вопросу взаимовосприятия культур. 1917 - 1939 гг.**

Яркую страницу в истории сохранения национальной и культурной идентичности оставили миру представительницы музыкального, оперного, театрального и балетного искусства русской женской эмиграции 1917-1939 гг. [1] В тоже время мировое узнавание и признание русского балета датируется временами знаменитых Дягилевских сезонов начала XX, открывших западному зрителю национальные традиции России на языке танца и пластики. В 1917-1939 гг. русский балет занял уже свое, исключительное, место и в жизни российской диаспоры в эмиграции, не только заново открыв его миру, но и возродив лучшие традиции классического танца.

Уникальность русского балетного зарубежья 1917-1939 гг. состоит в том, что вследствие революции и гражданской войны, Россию покинула большая и лучшая часть танцовщиков и балетмейстеров, хореографов и балерин, артистов кордебалета и др. Можно даже говорить о некоем «великом русском исходе» служителей балетного искусства в эмиграцию. Так, из получивших в 1900-1910 гг. почетный статус "балерина" шести российских танцовщиц - пять, оказались в эмиграции: Л.Н. Егорова, М.Ф. Кшесинская (единственная из них имевшая статус – прима-балерина еще со времен Императорской России), О.И. Преображенская, Ю.Н. Седова и В.А. Трефилова. В Советской России осталась лишь одна - А.Я. Ваганова.

Крупнейшими центрами рассредоточения представителей русского балетного зарубежья 1917-1939 гг. стали Германия, Франция, США и ряд других стран. Здесь были открыты первые русские, ставшие затем известными на долгие годы в эмиграции, балетные школы и студии, воспитавшие не один десяток будущих звезд балетного искусства. Так, например, школа - студии Ольги Преображенской, или как ее звали ученики «Мадам Прео», существовала в эмиграции около сорока лет, с 1923 по 1960 -е гг. История приобщения жителей Канады к искусству балетного танца навсегда связана с именами русских артистов - Л.И. Карповой, Т.Я. Кудрявцевой и Л.И. Ширяевой, одной из основательниц классической школы танца в Квебеке и Монреале. Бронзовый бюст балерины, названной в 1978 г. «Великой Монреалкой», награжденной рядом государственных наград этой страны, стоит в созданной ею школе балетного танца. История балета Монте - Карло (Монако) долгое время была связана с именем М.М. Безобразовой, основавшей там собственную балетную школу танца – «Школу классического танца в Монте – Карло». Балерина Вера Каралли (Коралли) в 1928 г. создала и руководила студией Литовского национального балета в Каунасе, в 1930 - 1935 гг. была назначена балетмейстером Королевского оперного театра в Бухаресте. Известная русская балерина Тамара Карсавина являлась вице - президентом английской Королевской академии танца. И таких примеров множество.

Случилось так, что русский балет в эмиграции 1917-1939 гг. стал эпицентром возникновения и быстрого распространения русской классической школы искусства танца в мире, подарив ей новое рождение. И тем не менее настоящий ренессанс балетного танца в мире начался лишь с масштабной эмиграции из России лучших представителей этого вида искусства. По всему миру стали открываться русские балетные школы и студии, во всех театрах Европы и Америки начали выступать русские танцовщики и балерины, преподавать балетмейстеры и хореографы, ретранслируя достижения и лучшие традиции русского балетного искусства. Эмигранты из России не только стали основателями новых национальных школ танца в США, Бразилии, Сербии, Аргентине и других странах, но и восстановили и вывели из кризисного состояния балет Франции и Великобритании. И именно женщины русского балетного зарубежья 1917-1939 гг. вписали в историю этого культурного взаимовлияния и взаимовосприятия свою значимую страницу, обогатив его многократно.

1. См.: Баркова О.Н. Проблема сохранения национально - культурной идентичности женщинами русского зарубежья. 1917 - 1939 гг. / От древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности. Сб. статей. СПб 2013. С. 732 - 751.

Будаева Л.А.

Роль советского посла А.М. Коллонтай в укреплении культурных связей между Швецией и СССР в годы Второй мировой войны.

Среди советских дипломатов, твердо и последовательно отстаивавших интересы нашей страны накануне и во время Второй мировой войны, была первая в мире женщина-дипломат, Александра Михайловна Коллонтай, возглавлявшая с 1930 по 1945 гг. посольство СССР в Швеции.

Одной из задач, стоявших перед советским посольством в Швеции в годы Второй мировой войны, было идеологическое противостояние немецко - фашистской пропаганде и создание правдивого образа нашей страны в мире. Отсутствие достоверной информации о состоянии советско-германского фронта, о количестве погибших советских солдат и др. позволяло фашистской Германии создавать в мировом общественном мнении образ непобедимой державы. Именно поэтому советский посол СССР А.М. Коллонтай и все сотрудники посольства активно работали над развенчанием установок фашистской пропаганды и усилением культурного взаимодействия между Швецией и Советским Союзом с целью реализации своих контрпропагандистских задач различными способами. Среди которых были - организация мероприятий по показу кинофильмов и военной хроники тех лет, фотовыставок советской военной повседневности, музыкальных концертов, издание на шведском языке художественных произведений советских писателей и др. Все это позволяло создавать у шведского общества более достоверный образ нашей страны - страны, сражающейся с фашизмом.

Большое внимание сотрудники советского посольства в Швеции уделяли и работе по укреплению культурных и научных связей между двумя странами по линии созданного еще в 1935 г. по инициативе А.М. Коллонтай Шведско-советское общества, которое объединяло и регулярно проводило дружеские встречи писателей, учёных, артистов, художников, журналистов, видных общественных деятелей, представителей интеллигенции Швеции и СССР. Значение имели и проводимые лично А.М. Коллонтай постоянные беседы с шведскими деятелями науки и культуры.

Цель доклада - рассмотреть на основе дневниковых записей и личной переписки А.М. Коллонтай и воспоминаний современников тех лет роль советского посла в усилении культурного взаимодействия между Швецией и СССР в годы Второй мировой войны.

Пользуясь случаем, автор выражает благодарность кандидату исторических наук, доценту Ольге Николаевне Барковой за помощь в подготовке тезисов доклада.

Голиков А.Ш. (МГУ), Рыбаченок И.С. (ИРИ РАН)

**Заклятые друзья: образ России и Соединённых Штатов
в политической карикатуре на рубеже XIX-XX веков.**

На рубеже XIX-XX вв. Соединённые Штаты заявили претензии на роль мировой державы. Провозгласив доктрину «открытых дверей», они активно участвуют в политике, которую проводят государства Европы за пределами Американского континента. Эти подвижки в расстановке сил на международной арене в своеобразной форме зафиксированы в сатирической графике.

Язык карикатуры символический. Со второй половины XIX в. в политической лексике как персонифицированный символ Соединённых Штатов закрепляется определение «Дядя Сэм», а в сатирической графике формируется его иконографический образ. В русских карикатурах он впервые появляется в связи с событиями испано-американской войны 1898 г. Американские художники, используя штамп, выработанный в европейской сатирической графике, изображали Россию в виде злобного медведя, либо варвара—мужика.

В докладе на материалах публикаций ведущего американского сатирического журнала «Puck» и ряда основных российских изданий, помещавших карикатуры, показано, как образы этих государств трактовались в контексте международных конфликтов на рубеже XIX-XX вв.: испано-американской войны, англо-бурской войны, боксёрского восстания в Китае, русско-японской войны.

Голубев А.В. (ИРИ РАН)

«Медведь, который ходит как мы»: Россия глазами Запада

Как известно, в критических ситуациях не только общественность, но и значительная часть политической элиты, не успевая воспринимать и осмысливать поток новой информации, начинает руководствоваться прочно и давно усвоенными стереотипами. Как показали недавние события на Кавказе, когда речь заходит о России, эти стереотипы на Западе являются большей частью негативными.

Современная Россия, с точки зрения своего внешнеполитического имиджа, как и во многих других отношениях, является преемницей не только СССР, но и Российской империи и даже Московской Руси. Если остальные постсоветские республики в 1991 г. начали формировать свой имидж "с чистого листа" (большинство из них никогда не были самостоятельными государствами, другие были таковыми слишком давно или слишком недолго), то Россия унаследовала все негативные внешнеполитические стереотипы, относящиеся к ее предшественникам.

Дмитриев И.Е. (МГУ)

**«Русский след» в истории парфюмерной индустрии XX в.
К вопросу взаимовосприятия культур**

Первая мировая война (1914-1918 гг.) кардинально изменила мировую индустрию моды первой четверти XX в. Огромные потери среди мужского населения Европы трансформировали распределение социальных ролей в обществе. Европейская женщина становится более самостоятельной, социально-активной и независимой. Ее новое положение в обществе диктует потребность в новой одежде, аксессуарах и ароматах.

В то же время интенсивное развитие химической промышленности, вызванное потребностями военной индустрии и армии, позволило парфюмерам активно использовать новые синтетические материалы и создавать из них разнообразные типы ароматов.

Результатом этих изменений стал быстрый рост парфюмерной индустрии, появление принципиально новых ароматов и молодых и талантливых парфюмеров, их создавших. Среди тех, кто внес существенный вклад в развитие парфюмерной отрасли в XX в., были и русские эмигранты, бежавшие во Францию от ужасов революции 1917 г. и последовавшей гражданской войны в России. Несмотря на тот факт, что выходцев из России занятых в парфюмерной отрасли было существенно меньше, чем русских эмигрантов, работавших в модельном бизнесе или в производстве одежды и аксессуаров, без их участия едва ли возможно представить себе историю развития парфюмерной индустрии XX в. Яркие и креативные русские парфюмеры-эмигранты Э.Э. Бо (1881-1961), К.М. Веригин (1898-1982) и Ю.Д. Гутсац (1914-2005) создавали новые ароматы и композиции для таких известных парфюмерных компаний XX в., как Chanel, Bourjois, Parfums Mury, Chiris, Roure Bertrand Fils & Justin Dupont, Estee Lauder и др. Они добились мирового признания, именно они являются создателями ряда выдающихся ароматов, многие из которых выпускаются и по сей день. Однако их имена и вклад в развитие мировой парфюмерной индустрии XX в. долгое время оставался вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей. В современной историографии данная проблематика практически не отражена.

Цель данного доклада - показать роль российских эмигрантов «первой послереволюционной волны» в развитии парфюмерной индустрии XX в., на примере Франции, в контексте социальных потрясений первой четверти XX в. и последовавшей за ними масштабной миграцией русских беженцев в страны Европы и Америки, которая породила, уникальный по своей сути, феномен взаимовосприятия культур.

Илизаров Б.С. (ИРИ РАН)

Россия и Европа: три судьбоносных кризиса (XVI, XVIII и XX веков)

XVI век. После захвата Казанского и Астраханского ханств правительство Ивана Грозного оказалось перед выбором: начать движение на юг, т.е. вступить в борьбу с Крымско-татарским и Турецким государствами или на запад, т.е. на восточноевропейские католические и протестантские страны. Восток был свободен для освоения. Выбор пал на западное направление и это при том, что именно с юга совершались наиболее опасные нападения, не раз угрожавшие самому существованию государства, а западное направление было сравнительно мирным. Почему? Ливонская война и война со Швецией длились более 24 лет и привели к Смутному времени. В результате Россия была остановлена в своем экономическом и культурном развитии более чем на 100 лет. Вместо классического феодализма, полное закрепощение всего населения, включая родовую аристократию. Идеологические основания противостояния: православие – католицизм, протестантизм.

XVIII век. Петр I оказался перед тем же выбором: юг или запад? На юге потерпел неудачи и инициативу повернул на запад. Выбор, на первых порах, был не культурно-исторический, а военно-технический и военно-стратегический. Поражения. Для этого начал освобождение от крепостной зависимости дворянство (Вл. Соловьев), а для другой части населения усиливал крепостничество и, даже, ввел рабовладение. Россия на пороге Европы весь 18 век. Страна раскололась на привилегированных «европейцев» и поработанных «азиатов». Весь 18 и 19 века этот раскол терзал страну. Запоздалые демократические реформы 1861 г. по западному образцу, освобождение крестьян. Различные слои Российского общества движутся цивилизационно с разными скоростями, что вызывает социальные перенапряжения.

XX век. К началу Первой мировой войны Россия впервые воевала не за территориальные приобретения в Европе, а на юге, за Босфор и за Ближний Восток. Но революция и гражданская война вновь развернули ее против цивилизационного пути Европы: сначала идеи мировой революции, а затем строительство сталинской империи. 70 лет советской власти, 70 лет противостояния с Европой. Аргументы для идейного обоснования противостояния всегда находились. Война – тоже диалог?

**Быт и нравы Великобритании 1930-1940-х гг. глазами советского посла И.М. Майского:
к вопросу о взаимовосприятии культур в годы Второй мировой войны 1939-1945 гг.**

После вступления Великобритании во Вторую мировую войну 3 сентября 1939 г. довольно сильно изменилась повседневная жизнь практически всех слоев населения этой страны. С началом активных боевых действий в Европе, британские острова подверглись блокаде со стороны нацистской Германии, а многие английские города - воздушным бомбардировкам. Невольным очевидцем данных событий стал Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Великобритании И.М. Майский (1932-1943) [1, с. 190-195], чьи воспоминания о почти 11-летнем пребывании на туманном Альбионе нашли отражение на страницах его воспоминаний «Дневник дипломата» (М., 2006, 2009), изданных в двух книгах. Мемуары Майского освещают период с 1934 по 1943 гг. и содержат довольно яркие страницы, описывающие каждодневную работу советского посла – его «дипломатическую кухню» и повседневную жизнь Великобритании - ее традиции и культуру.

Особый интерес представляют его записи [2, с. 118-122] периода с 1939 г. до 1943 г. - военного времени, которое довольно сильно отличалось и резко контрастировало с жизненным укладом СССР этого же времени. И.М. Майский писал о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться жителям Великобритании: разрушениями от бомбардировок, сокращением импорта продовольствия и изменения нормы потребления продуктов питания [3, с. 66-73], военным распорядком дня, «блэк-аутами», ночёвками в бомбоубежищах и т.д. В своем дневнике посол довольно много места отводил и описанию особенностей характера и нравов своих английских коллег, знакомство с которыми позволяют нам лучше понять Великобританию – страну, которая совместно с Советским Союзом воевала против фашистской Германии. Несмотря на разницу в менталитете, привычках, образе жизни и т.д., Майский пытался найти точки соприкосновения, способствовавших взаимопониманию и взаимовосприятию английской и советской культур.

Без сомнения, представления и мнение Майского о Великобритании во многих вопросах формировались сквозь призму советско-английских отношений. Резкая критика внутренней и внешней политики СССР правящими кругами Великобритании напрямую влияли на характер записей Майского о стране его пребывания. «Как и другие источники личного происхождения, мемуары И.М. Майского отличает некоторый субъективизм, что говорит о сложности работы с данным видом исторического источника. Однако именно субъективность и авторское видение проблемы придает мемуарам И.М. Майского свой особый колорит» [4, с. 269].

Цель данного доклада – рассмотреть, как в документах личного происхождения - воспоминаниях и дневниковых записях И.М. Майского за период с 1939 по 1943 гг., и на конкретных примерах, показана повседневность военного времени, а также отражена точка зрения советского посла на особенности национального характера и менталитета жителей Великобритании в контексте взаимовосприятия английской и советской культур в 1930-1940-е гг.

1. См.: Козленкова А.С. Дипломатическая деятельность И.М. Майского (Яна Ляховецкого) в Великобритании в 1941–1943 гг. // Власть. 2015. № 1. С. 190-195.

2. См. также: Козленкова А.С. Англия, ее быт и нравы 1930-1940-х гг. глазами советского посла И.М. Майского // КЛИО. СПб., 2016. №12 (120). С. 118-122.

3. См.: Козленкова А.С. Особенности организации системы продовольственного нормирования и питания в Лондоне в начале Второй мировой войны (1939-1945) по воспоминаниям и письмам советского посла И.М. Майского и его супруги А.А. Майской // Запахи и звуки как элемент повседневной жизни. СПб., 2016. С. 66-73.

4. Козленкова А.С. Мемуары И.М. Майского как источник по истории советской дипломатии 20-40 гг. XX в. // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 266-269.

Козлов С.А. (ИРИ РАН)

«Национальный вопрос» на страницах писем М.М.Исаева с Кавказского фронта 1915-1917 гг. (по материалам Центрального архива документальных коллекций Москвы)

В докладе рассматривается ряд вопросов, касающихся освещения межнациональных проблем в письмах с Кавказского фронта 1915-1917 гг. Михаила Михайловича Исаева - приват-доцента (с 1909 г.) Санкт-Петербургского университета, который в 1915 г. пошел добровольцем на Кавказский фронт, вскоре был произведен в подпоручики (бумаги на присвоенное ему позже звание штабс-капитана затерялись ввиду начавшейся Февральской революции 1917 г.), участвовал в 12 боях в составе Отдельной вьючной пулеметной команды, был удостоен четырех боевых наград (орденов Анны 2-й и Станислава 2-й степени; Анны 4-й и Владимира 4-й степени). М.М.Исаев оставил, помимо научного (позже он стал известным советским юристом, а в 1946 г. даже членом Верховного суда СССР), во многом уникальное творческое наследие, связанное с Первой мировой войной и еще не введенное в полной мере в научный оборот. На страницах его фронтовых писем, адресованных жене и детям и ныне хранящихся в Центральном архиве документальных коллекций Москвы, нашли отражение многие проблемы, волнующие русских интеллигентов, оказавшихся участниками военных событий. М.М.Исаев подробно охарактеризовал представителей различных народов (прежде всего, русских, армян и курдов), с которыми он разделял все превратности войны; особый интерес вызывают его яркие, во многом нестандартные оценки духовных качеств как своих соотечественников, так и представителей «вражеского лагеря». Принимая во внимание, что события на Кавказском фронте не столь уж часто оказываются объектом современного научного анализа, эти свидетельства очевидца приобретают особую научную ценность; позволяют лучше понять сложную и противоречивую эволюцию мировоззрения представителей русского офицерского корпуса начала XX в.

Куприянов А.И. (ИРИ РАН)

Российское благородное собрание в эпоху наполеоновских войн глазами русских и иностранцев

Великая французская революция, открывшая новую страницу мировой истории, вызвала серию региональных и континентальных войн. В историографии их часто именуют эпохой наполеоновских войн, значительно реже в них усматривают первую глобальную (мировую) войну. В данном контексте особый интерес представляет взаимовосприятие русских и иностранцев в этот насыщенный войнами и конфликтами период. Фокус исследования концентрируется на восприятии русскими и иностранцами Российского благородного собрания (до конца 1810 г. – Московского благородного собрания). Российское благородное собрание, учрежденное в 1783 г., быстро превратилось в важнейший институт социальности российского дворянства. Поэтому там стремились побывать русские и иностранцы, посещавшие Москву.

Источниками исследования служат записки и мемуары иностранных и русских путешественников: записки Франсиско де Миранда (будущий герой войны испанских колоний Южной Америки за независимость), француза А. Фортиа де Пиль, а также Ф.Ф. Вигеля, И.А.Второва и С.П. Жихарева. Их дневники, записки и мемуары охватывают период с 1787 по 1805 г.

Трансформация образов стран в сознании художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны

Первая мировая война оказала огромное влияние на изменение общественной психологии, морали, ценностей различных социальных групп, в том числе, на процесс восприятия стран и культур.

В.Л. Черноперов предложил выявляемые образы/представления стран, народов и власти размещать по мере удаления от центра/середины (от «Я-автора») в круги «Свой», «Другой», «Чужой», «Враг»¹. Данная градация характерна, в первую очередь, для мирного времени. Категории «Свой», «Другой» и «Чужой» отличаются эмоциональной коннотацией: «Свой» - эмоционально-позитивной, «Другой» - эмоционально-нейтральной, а «Чужой» – эмоционально-негативной.

В военное время градация упрощается, сводится к противопоставлению «Свой» - «Враг». «Другой» и «Чужой» в такой схеме должны перейти в разряд одного полюса или другого. «Свой» становится синонимом союзника. Переход в категорию «Свой» был более простым для «Другого», чем для «Чужого». Также и переход в категорию «Враг» был проще для «Чужого», чем для «Другого».

Трансформация образов имела свои особенности в восприятии разных социальных групп. Восприятие образа стран представителями художественной интеллигенции определялось спецификой творческой деятельности, психологии, особенностями развития художественной культуры Серебряного века, одной из важных характеристик которой был диалог культур, в первую очередь, с западноевропейской. Восприятие стран шло во многом через призму этого культурного диалога. Рассмотрим варианты трансформации образа стран.

Примером трансформации образа «Другой» в образ «Враг» может быть Германия. До войны художественная интеллигенция рассматривала немецкую культуру как культуру-учителя, поэтому образ Германии можно идентифицировать как «Другой». Основная проблема в годы войны состояла в том, как соединить этот старый образ с новым образом врага. О сложности этого процесса писали сами деятели литературы и искусства. Л.Н. Андреев отмечал: «Мне кажется смешной сама мысль о том, чтобы когда-нибудь мы отреклись от даров немецкого гения, разлюбили Шиллера, перестали читать Канта и Шопенгауэра, забыли Лассаля и Маркса... Дары германского гения уже давно поглощены нами, вошли в нашу кровь и плоть, организовались, стали нашей наследственностью»². М.А. Кузмин указывал: «В настоящую минуту, говоря «немец», говоришь «пруссак». Нельзя забывать Лютера, Гете, Моцарта, но думаешь об императоре Вильгельме, Вагнере, войне»³.

Начавшаяся в первые месяцы войны борьба с «немецким засильем» не обошла и художественную интеллигенцию: остракизму подверглись произведения немецких и австрийских авторов, а также их исполнители. Например, в Большом театре и в частной опере С.И. Зимина были отменены постановки опер Вагнера⁴, а из театров были уволены иностранные подданные. Участие деятелей литературы и искусства в «антинемецкой кампании» происходило скорее на эмоциональном уровне и вступало в противоречие с уважением к немецкой культуре и ее творцам. Среди стратегий снятия этого противоречия можно отметить следующие.

Первая стратегия - совмещение категорий «Другой» и «Враг». Это представлялось возможным через разведение понятий «немецкая культура» и «немецкое государство», то есть «Врагом» считалась не немецкая культура, а Германия. Можно отметить однозначность в

1 Черноперов В.Л. Горизонты и границы «графического подхода» при изучении образов стран, народов, власти (к постановке вопроса) // <http://rosmir.iriran.ru/archival.php?id=61> (дата обращения 15.01.2017).

2 Утро России. 1914. 4 нояб. № 271.

3 Синий журнал. 1914. № 31. С. 12-13.

4 Голос Москвы. 1914. 9 авг. № 182.

оценке Германии как виновницы развязывания войны, и признание миссии России – остановить ее претензии на мировое господство. В статье «Мира не будет» Ф. Сологуб отмечал: «Мы начали период решающих битв за наше самоутверждение. Мы роковым образом поставлены в необходимость не только победить, но и раздавить Германию, потому что без этого нам не жить»⁵.

Общим было осуждение насилия и вандализма немецких войск. 29 сентября 1914 г. в газете «Утро России» было опубликовано коллективное воззвание «По поводу войны. От писателей, художников, артистов», посвященное осуждению жестокостей и вандализма германцев ради «несбыточной надежды владычествовать в мире насильем, возлагая на весы мирового правосудия только меч»⁶. Среди подписавших воззвание были: И.А. Бунин, Ю.К. Балтрушайтис, А.М. Горький, И.С. Шмелев, В.М. Васнецов, К.А. Коровин, С.Т. Коненков и другие, всего 260 человек.

Другой вариант совмещения «Другого» и «Врага» состоял в разграничении немецкой классической культуры и современной немецкой культуры. «Врагом» признавалась только современная культура, которая способствовала формированию современной политики Германии. Л.Н. Андреев призывал «подвергнуть немецкую культуру серьезной, основательной, вдумчивой и честной проверке и без дальнейших колебаний отделить пшеницу от плевел»⁷.

Вторая стратегия состояла в переводе немецкой культуры из категории «Другой» в категорию «Враг» через понимание войны как противостояние славянской и тевтонской культур.

З.Н. Гиппиус в статье «Так надо - так будет», опубликованной в газете «День» 8 августа 1914 г, главного виновника войны видела в конфликте двух культур, внутренней и внешней, духовной и механической. В Германии механическая культура развивалась быстрее, чем духовная, что привело к превращению нации в бесконтрольную человеческому разуму машину. Следствием этого стали процессы механизации, атомизации и дегуманизации, что сделало войну неизбежной. Спасти Германию и Европу может только Россия, где духовная культура более развита, чем механическая.

5 Сологуб Ф. Мира не будет // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1914. 30 окт. № 14464.

6 Утро России. 1914. 29 сент. № 235.

7 Утро России. 1914. 4 нояб. № 271.

Куц А.В. (МГУ)

Проблема адаптации русской идентичности в США в 1928 – 1957 гг. через модную индустрию как феномен, воздействующий на культуру. Деятельность Валентины Саниной-Шлее

Революция 1917 г. в России и начавшаяся гражданская война, стимулируя миграционные процессы, активно способствовали распространению русской культуры за рубежом. Наряду с Францией, Германией и Англией, США являются наиболее ярким примером локализации эмигранток, деятельность которых породила интерес к русскому искусству первой половины XX в., кустарному ремеслу и традициям. Индустрия моды, несомненно, внесла значительный вклад в усиление этих тенденций. Самобытные, роскошные образы, в которые облачались некоторые представительницы русской аристократии за границей, не могли не оказать влияние на богемное общество Европы и Америки. Перенимая традиционные элементы в одежде и поведении, самые блистательные представительницы американской киноиндустрии и творческой интеллигенции в 20 - 30 годы XX века желали приобщиться к русской культуре. Если в Европе русские эмигрантки были достаточно активно задействованы в индустрии моды благодаря своей высокой образованности в сфере искусства и тонкому чувству вкуса, которое во многом стало для них спасением в чужой стране, то в США такие случаи уникальны, однако от этого их воздействие не менее глубоко и значимо. Таким ярким примером в развитии индустрии моды США является модельер Валентина Санина, ставшая для Голливуда не просто законодателем моды, но и иконой стиля. Концепция ее Дома моды (1928 - 1957 гг.) была заключена в стремлении делать одежду не на сезон, а на век. Модели Саниной не были тенденциозны, они выражали уникальность вкуса элегантной русской аристократки, не принимающей вычурность и пестроту ряда европейских новаторов, сохраняющей достоинство и приверженность национальным традициям, которые были воспитаны в ней на родине. Именно эта стойкая позиция помогла ей занять свою нишу и адаптироваться в условиях жизни другой страны.

Доклад посвящен деятельности модельера Валентины Саниной в США , созданию ею Дома моды «Валентина» (1928 - 1928 гг.) и личному вкладу этой эмигрантки в распространение элементов русской идентичности в США в контексте взаимовлияния двух культур.

Лохматов А.М. (ВШЭ)

Образ Советского Союза в публичном пространстве послевоенной Польши 1945 – 1948 гг.

После освобождения от нацистской оккупации польское государство не вернулось к полноценной мирной жизни. Та часть польского общества, которая видела в приходе Красной армии не освобождение, а новую оккупацию продолжала сопротивление формирующейся новой системе государственной власти в Подполье. В условиях продолжавшегося идеологического, пропагандистского и вооруженного противостояния, образ Советского Союза занимал в концепциях обеих сторон центральные позиции. Для одних «Восточный сосед» представлял главную угрозу польскому суверенитету, другие видели в нем гарант проведения социальных преобразований или, по крайней мере, были убеждены в необходимости демонстративной лояльности Советской России в борьбе за государственный суверенитет.

При этом, публичное пространство, вместе с привилегией строительства государственных институций на освобождаемых территориях находились в руках одной из сторон этого противостояния. Те политические и социальные группы, которые решились принимать активное и публичное участие в процессе создания «Новой Польши», проходящего под флагом Польского комитета национального освобождения, не могли избежать манифестации на страницах своих печатных изданий отношения к Советскому Союзу. Так, конструирование образа СССР, на наш взгляд, становилось для участвующих в публичной дискуссии одновременно и декларацией собственной лояльности, и аргументацией выбранной стратегии, обращенной как к продолжавшему сопротивлению подполью, так и к эмигрировавшим или оставшимся в эмиграции полякам.

В докладе будет представлена попытка проанализировать созданный в ходе публичной дискуссии образ Советского Союза и выделить основные смысловые блоки его аргументирующего применения различными социальными и политическими группами, стремящимися к участию в публичном пространстве Польши в первые послевоенные годы.

Мамонов А.В. (ИРИ РАН)

Враги и соперники России в 1878 г. в восприятии высших сановников империи

Как известно, победоносное завершение русско-турецкой войны привело в начале 1878 г. к обострению отношений России с великими державами (прежде всего, Англией, Австро-Венгрией), грозившему большой европейской войной. Достигнутый же летом 1878 г. в Берлине компромисс в России почти всеми (включая и тех, кто его готовил) оценивался как "дипломатическое поражение", хотя исследователи позднее не раз отмечали условность и упрощённость подобной оценки. В этих условиях многое зависело от того, как складывающееся положение дел воспринималось и интерпретировалось в довольно узком кругу лиц, формировавших политику Александра II.

В докладе анализируются сведения, содержащиеся в дневниках и воспоминаниях представителей высшей бюрократии Российской империи (Д.А.Милютин, гр.П.А.Шувалов, гр.Н.П.Игнатъева, П.А.Валуева, кн. Д.А.Оболенского и др.). Они позволяют осветить особенности восприятия ближайшими советниками императора дипломатической борьбы первой половины 1878 г. Будут рассмотрены их представления о целях, интересах и возможностях России и её соперников. В докладе прослеживается влияние взглядов высокопоставленных сановников на принимаемые решения и определение политического курса империи. Особое внимание уделяется складыванию в правительственных сферах устойчивого представления о "дипломатическом поражении" России в 1878 г., а также мотивам и последствиям его распространения.

Станков К.Н. (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет).

Война Аугсбургской лиги в отражении писем и дневников Патрика Гордона

Предлагаемый доклад посвящен неизученной проблеме отражения в дневниках и письмах Патрика Гордона крупнейшего военного конфликта конца XVII в. – Войны Аугсбургской лиги 1688-1696 гг., охватившей всю Западную, Северную и Южную Европу. Детальное знакомство с источником показывает глубокую осведомленность генерала П. Гордона о событиях этой войны. Как британец автор заметок и писем сосредотачивает свое основное внимание на событиях в Англии, Шотландии и Ирландии, но также уделяет внимание и другим театрам военных действия. Примечательно, что Патрик Гордон описывает не только сухопутные сражения, но и внимательно следит за кампаниями на море.

Определенное влияние на восприятие событий накладывают личные политические убеждения исследуемого автора. Учитывая, что Гордон являлся сторонником низложенного в ходе «Славной революции» 1688-1689 гг. британского монарха Якова II, ставшего союзником Франции, не удивительно, что симпатии автора – на стороне Людовика XIV и якобитов. Шотландский генерал на русской службе глубоко сожалел, что ему не удалось остаться в свое время в Шотландии и принять личное участие в военной кампании в Англии в 1688 г. Это отложило определенный отпечаток на восприятие diarистом Войны Аугсбургской лиги, но в целом он стремится быть беспристрастным и более или менее объективно отражать ход военной кампании.

Установлены основные каналы и источники сведений П. Гордона о рассматриваемом конфликте. В его дневнике и письмах нашли свое отражение не только сугубо военные предприятия, но и события политической жизни Европы этого времени. В частности, Патрик Гордон считал, что важнейшей составляющей этой войны стала «Славная революция» в Англии, успех которой, по мнению автора, predetermined ее исход.

Фернандес А.П. (Российский государственный архив фонодокументов)

Восприятие испанскими политэмигрантами в СССР Великой Отечественной войны

Доклад посвящен восприятию испанскими эмигрантами войны Советского Союза против гитлеровской Германии. На основе архивных документов, опубликованных воспоминаний сделана попытка анализа эмоционального настроения испанцев в СССР, их адаптации к советской военной повседневности. В целом, война поставила перед эмиграцией множество проблем, моральных и материальных. Прежде всего, многим испанцам было необходимо определиться, стоит ли открыто выступать на защиту Советского Союза от фашизма и вступать в ряды Красной Армии.

Разные группы эмигрантов и отдельные эмигранты решали эти проблемы по-разному. Безусловно, там были люди преклонного возраста, инвалиды, женщины, которые отправились в эвакуацию, которая сама по себе стала тяжелым испытанием, в разные регионы Советского Союза. Среди эвакуированных оказались и здоровые мужчины, в том числе – с боевым опытом, которые были не готовы по разным причинам воевать с оружием в руках и рисковать своей жизнью. Многие из них, так называемые «скептики», к этому периоду разочаровались в жизни в СССР, видели изнутри недостатки страны социализма, и, несмотря, на неприязнь к Гитлеру, которой отличалась испанская эмиграция, предпочли войну пережить и пересидеть в безопасном месте.

Но было среди испанских эмигрантов-республиканцев и активное меньшинство, «идеалисты», готовые отправиться снова в бой с врагом. Все они надеялись на будущий реванш. Верили в то, что воюя в Советском Союзе с Гитлером, они способствуют свержению франкизма в Испании.

Что касается испанской компартии, и той части испанской эмиграции, которая составляла наиболее привилегированную ее часть, то она в годы войны сконцентрировалась на агитации и пропаганде. КПИ, по-прежнему продолжала бороться с режимом Франко, а также направила все свои усилия на задачу недопущения участия Испании во Второй мировой войне на стороне Гитлера и его союзников. При этом материальное положение верхушки испанской компартии по отношению к своим соотечественникам было гораздо более благополучным.

Делается вывод, что многие испанцы связывали победу Советского Союза с шансом для Испании освободиться от франкизма, что давало им надежду вернуться на родину.

Состав «русской колонии» на Капри: революционеры, философы, авантюристы в 1900-1910-е гг.

Первое десятилетие XX в. в российской истории можно охарактеризовать расцветом идеологических течений в среде интеллигенции. Более того, наступил тот момент, когда интеллигенция вступила на путь не только приумножения теоретического материала, масштабного его распространения с претензией на смену мирового порядка. Имели место и разнообразные конфликты как идеологического, так и бытового порядка. Царская власть не могла позволить существовать такому идеологическому разнообразию, тем более после событий 1905 г., многие представители социал-демократического, социал-революционного движения были вынуждены покинуть Россию. Одним из излюбленных ими мест стал о. Капри, в том числе из-за присутствия М. Горького. В Италии российская интеллигенция знакомилась с местной культурой, узнавала интересные обычаи, взаимодействовала с местными жителями и итальянскими социалистами⁸. Пребывание подобных «туристов» отнюдь не обрадовало итальянские власти: «Приток политической эмиграции из России вызвал тревогу итальянских властей, и за вновь прибывшими был установлен полицейский надзор. Донесения префектов Генуи, Неаполя, Милана о русской эмиграции посылались в министерство внутренних дел в Риме. Особенно усилилась слежка за русскими летом-осенью 1909 г. в связи с тем, что в октябре 1909 г. в Италию должен был приехать Николай II для встречи с королем Виктором-Эмануилом II»⁹.

На острове собралось огромное количество русских, это были представители разных взглядов, профессий и партий. А.А. Золотарев¹⁰, один из членов этой «колонии», вспоминал, что «партийные пристрастия так разделяли, например, социал-демократов и эсеров, что они селились в разных местах и предпочитали не встречаться»¹¹. Результатами его творческой работы на острове стали произведения о каприйском периоде жизни и творчества М. Горького и двенадцать «Каприйских новелл». А.К. Лозина-Лозинский, поэт и публицист¹², также жил на Капри несколько лет. Эта поездка оставила большой след на его творчестве, к сожалению, так и не успевшем развернуться. В отличие от многих соотечественников находившихся на Капри и связанных с искусством, А.К. Лозина-Лозинский не стремился войти в круг общения М. Горького, его мало занимали идеологические споры и партийные разногласия. Очерки о повседневной жизни и интересных персонах оставил Н.А. Прахов. Например, он вспоминает историю воровки Нины Реннер, которая выдавала себя за сестру милосердия¹³.

В данном докладе представлены события, истории, воспоминания этих людей за время пребывания на Капри, то, как они воспринимали действительность, какую вели деятельность, что их тревожило, что радовало. Судьбы этих людей, такие разные, были связаны о. Капри, Италией, атмосферой, которая там царила.

8 «Да здравствует Горький, да здравствует Россия, да здравствует социализм!» – такими плакатами и надписями мелом и углем от руки были испещрены стены домов, витрины и ставни магазинов. Это неаполитанские и каприйские социалисты и анархисты устраивали овацию тому, кого считали борцом за справедливое дело рабочего класса, за социальную революцию, за мировой пролетариат» – так описывает приезд М. Горького на Капри Н.А. Прахов. См.: ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 58. Л.6об.–7об.

9 Комолова Н.П. Русская эмиграция в Италии в начале XX века // Россия и Италия. XX век., вып. 3. М., 1998. С. 283.

10 Алексей Алексеевич Золотарев (1879 – 1950) – литературный критик, публицист, краевед, общественный деятель, религиозный философ.

11 Ревякина И.А. Русский Капри (1906-1914) // Россия и Италия, вып. 5. М., 2003. С. 25.

12 Алексей Константинович Лозина-Лозинский (1886 –1916) – поэт, публицист, переводчик. Дважды совершал попытки самоубийства. В 1909 г. выстрелил себе в грудь после неудавшейся студенческой забастовки. В 1914 г. в ресторане «Рекорд» в кругу литераторов он выстрелил в себя. В третий же раз спасти поэта не удалось: он принял морфий и, раскрыв книгу Поля Верлена, до последней минуты вёл записи о своих ощущениях.

13 ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 18. Л. 1.

Филиппова Т.А. (ИРИ РАН)

"Дева Революции" - 1917-1918. Образ России глазами отечественных журналистов-сатириков

Русская журнальная сатира эпохи Великой революции, в одночасье освободившаяся от цензурных препон, – явление уникальное для истории отечественной культуры и общественной мысли. В лице своих наиболее популярных, стабильно выходивших изданий («Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич», «Бомба», «Пугач», «Кривое зеркало» и др.) она создала собственную «летопись» революционных событий и сформировала представления о новом «лице» России в меняющемся мире.

Осмысление и трактовка новой реальности происходила в формате нового, стремительно развивавшегося языка революции, метафорика которого создавала разные, но очень информативные для наблюдателя образы. С самого начала революционных перемен в работах отечественных сатириков появляется единый образный ряд – «*Россия-Революция-Свобода*» и «*Дева Революции*». За ним поначалу ощущалась гордость интеллигента за свою страну, её способность свергнуть ненавистное «*иго Романовых*» и пойти – как казалось – долгожданным путём демократии.

Подобный симбиоз смыслов и образов развивался, не только фиксируя своеобразие революционного момента, но и следуя отечественной традиции символического изображения Родины. В революционные месяцы 1917 – 1918 годов, по мере углубления кризиса, эти знаковые символы приобретали «автобиографические» черты их создателей, позволяя ощутить всю напряжённость критической рефлексии сатириков.

Со временем на страницах появляются новые краски в изображении образа «*России-Революции-Свободы*» - по мере того, как набирает силу тревога из-за распада территории Российского государства и «*смуты на окраинах*». Октябрьские события 1917 года и приход к власти большевиков ещё более драматизирует тему «*России-Революции-Свободы*», из формулы которой окончательно исчезает третья составляющая. Отныне образом «*Революции*» становится истощённая до предела, оборванная и избитая женщина во фригийском колпаке...

Проанализированный материал свидетельствует: политическая сатира в её основных жанрах (фельетон, карикатура, анекдот, стихи) представляет собой ценный исторический источник по истории Великой российской революции, демонстрируя пример интеллектуальной и эмоциональной апроприации обществом опыта глубочайшего кризиса в истории России и его влияния на ситуацию в мире.

«И не друг и не враг, а так»: Взаимовосприятие китайцев и россиян в годы существования российской эмиграции в Китае (1900-1966): различия в ценностях национальной культуры

Во взаимовосприятии народов большую роль играют накопленные историческим опытом стереотипы, то есть какие представления до контакта уже имелись у общества? В случае с Россией и Китаем, к 1898-1900 гг. каждый из объектов уже опирался на сложившиеся понятия о ближайшем соседе, тем более, что ко времени тесных контактов двух империй (более 250 лет) имелись дипломатические, торговые, межправительственные отношения, активно освещавшиеся в прессе обоих государств. Оговоримся, что строители КВЖД, торговцы, поставщики, крестьяне-продовольщики, технические службы, техническая интеллигенция и охранная стража и т.д., все те, кто возводил и строил объекты железной дороги и полосы отчуждения, до 1918 года не имели статуса эмигрантских субъектов. Этот термин, скорее, применим лишь к тем волнам беженцев, которые прибывали в Китай после революции 1917 г. и гражданской войны. Однако нельзя забывать, что российские беженцы гражданской войны и революции, - в Китае перемешивались со «старожилами»-россиянами, обосновавшимися здесь и после строительства основных объектов Дороги, и потому ко всем выходцам из России применим термин «эмигрант». Россиян в Китае привлекал достаточно вольный режим проживания для иностранцев, статус экстерриториальности, возможность избежать фискальных действий и контроля российских властей, вероятность легкого заработка, для крестьянского населения – достаточно свободного места для хлебопашества, охота и рыболовство. Северо-восток Китая был мало колонизован человеком с хозяйственной точки зрения, и потому представлял собой территорию почти не освоенной дикой природы. В период с 1918-1929 гг. сложился термин «эмигрант», причем он применим и к «старожилам», которые изъявили желание остаться в Китае.

Тесные контакты россиян и китайцев в XX веке делятся на несколько этапов (здесь мы оставляем за рамками ранние контакты прошлого и XIX век). 1. 1898-1918 гг. – освоение Россией северо-восточной китайской Маньчжурии как зоны колонизации, хозяйственного освоения и функционирования КВЖД; 2. 1918-1929 гг. – прибытие большого числа беженцев из России и складывание советско-китайских отношений до конфликта 1929 г., их кризис. Здесь: эмигранты воспринимаются соввластью как враги, временно окопавшиеся на приграничной территории. Эмигранты также считают свое пребывание в Китае временным фактором; 3. 1929-1932 гг. – от урегулирования советско-китайского конфликта, переноса советскими функционерами основных контактов на КПК, время активной деятельности Коминтерна на китайской территории. Эмигранты откладывают возвращение в Россию, строят планы на будущее, «врастают» в местные реалии. 3. 1932-1937 гг. время активной агрессии Японии, усложнение советско-китайско-японских отношений. Эмиграция для Москвы - враждебный фактор, затрудняющий свободу действий, мешающий работе совразведке и деятелям Коминтерна; эмиграция стремится урегулировать отношения с японцами, увидев центр силы; 4. 1937-1945 гг. – вторая мировая война в Китае. Ухудшение отношений между СССР-Японией-Китаем. Раскол эмиграции на оборонцев и пораженцев с перетеканием в сторону оборонцев на фоне побед Красной Армии в Европе. 5. 1945-1949 гг. – гражданская война в Китае. Распад эмиграции после войны на три части: возвращенцев-репатриантов, колеблющихся (оставались в Китае до 1966), реэмигрантов в третьи страны. Для китайцев присутствие в стране иностранцев нежелательно. Резко негативное отношение к россиянам-эмигрантам, особенно к тем, кто сотрудничал с японцами. 6. 1949-1959 гг. – период создания КНР и помощи СССР в строительстве советского Китая, с постепенным ухудшением отношений во втор. пол. 1950-х гг. Эмиграция выдавливается из страны как китайскими коммунистами, так и с помощью неумелой политики сов. чиновников; 7. 1959-1966 гг. – период резкого ухудшения советско-

китайских отношений, отзыва советских специалистов из КНР, террор по отношению к эмигрантам. Гибель тех, кто не смог выехать из Китая. Конец российской эмиграции в Китае.

На фоне перечисленных семи периодов, отношения россиян и китайцев испытывали волны интереса, любопытства, изучения, восхищения, разочарования, неприятия, непонимания. Лишь немногие из россиян и китайцев изучали языки друг друга, единицы понимали многопластность китайской культуры. В большинстве случаев россияне не вникали в реалии местной жизни, слишком были заняты борьбой за выживание, были носителями традиционной русской культуры, стремясь в основах и ценностях этой культуры найти опору для своего существования. Здесь немалую роль сыграли представители русского духовенства, священники, которые несли бремя беженства в инокультурном и инодуховном Китае. Китайцы же также были заняты своими проблемами: борьба за отмену экстерриториальности, внутренняя гражданская война, разобщенность, неясность целей, бедность, перенаселенность, низкая бытовая культура, влияние западной цивилизации, индустриальная революция, начало изучения западной культуры и языков.

Интересно рассмотреть советско-китайские отношения с точки зрения эволюции взглядов интернационализма, отрицания расизма и пролетарского братства трудящихся на китайских реалиях, отход от данной доктрины и вновь возвращение к ней в период советско-китайской дружбы начала 1950-х годов. Нельзя забывать, что в Китае рядом с эмигрантской проживала большая советская колония, причем не было «заборов и границ», а в силу особенностей китайского быта и правил выходцы из России-СССР проживали смешанно, дети ходили в одни школы, играли во дворах, занимались на одних спортивных площадках, ходили в одни и те же кинотеатры, посещали одни и те же культурные мероприятия, посещали одни и те же церкви... Китайская культура и цивилизация были фоном в жизни россиян в Китае, в то же время пронизывая собой каждую веху существования иностранцев в этой экзотической стране. Если бы не полуколониальное положение Китая в XIX веке, с навязанной системой экстерриториальности (т.е. ограниченным суверенитетом), как знать, могли бы выжить эмигранты в Китае.

Китайцы на протяжении всего существования имели свои представления об «Иных», «Чужих», «Других»: прежде всего, это недоверие к иноверцам, иноплеменникам, презрение к представителям других цивилизаций, самодостаточность этой цивилизации. Здесь хотелось бы подчеркнуть: китайцы цивилизационно не принимали чужаков, россияне не понимали китайской КУЛЬТУРЫ. Налицо культурно-цивилизационные отличия (древность-современность), помноженные на природно-климатические отличия, языковой барьер, жилищно-бытовые особенности, пищевые индивидуальности. Нельзя забывать и высокую планку требований россиян к условиям существования в XX веке, временное существование в Китае (никто не собирался жить здесь вечно) и т.д. и т.п.

Черниловский А.А. (Орловский гос. университет)

Образ будущей войны и образ врага в советской и переводной фантастической литературе 1930-х годов

Доклад посвящен описанию будущей мировой войны и образу врага в некоторых фантастических произведениях советских и зарубежных авторов 1930-х годов.

Характеризуются советские фантастические романы, повести и рассказы о будущей войне с фашистской Германией и с милитаристской Японией. В этих произведениях враг без объявления войны нападает на СССР, но победоносная Красная Армия громит его одним ударом. Враг в книгах советских военных фантастов предстает неготовым к войне, недооценившим огромную мощь Красной Армии, раздираемым классовыми противоречиями изнутри. Народы вражеских и оккупированных стран поддерживают Красную Армию.

В докладе также характеризуются некоторые произведения зарубежных военных фантастов 1930-х годов, опубликованные в СССР. Эти авторы также отдают легкую победу своей стране, рисуют врага неготовым к войне, раздираемым внутренними противоречиями.

Делается вывод, что военно-фантастические художественные произведения 1930-х гг. не имели ничего общего с той реальностью, в которой развернулась Вторая мировая война.

Шамин С.М. (ИРИ РАН)

Описание варшавского триумфа польской армии 1661 г. в архиве приказа Тайных дел

В течении 1660 г. польская армия разгромила действовавшие на территории Речи Посполитой российские войска, что помешало Москве поставить победную точку в войне с западным соседом. Описание польского триумфа, прошедшего в связи с этими событиями в 1661 г. в Варшаве было опубликовано в Merkuriusz Polski Extraordinaryny № XXXVI от 17 июня 1661 г. Газета попала в Москву и была переведена на русский язык для царя и, возможно, членов Боярской Думы. Особенности перевода (наличие церковнославянизмов) показывают, что для русских властей текст представляет интерес не только с политической, но и с культурной точки зрения.